

ЛИВ  
ВЬЕН

*Мишка в подарок для*

**БЫВШЕГО**

Лив Вьен

**Мишка в подарок для бывшего**

«Автор»

2026

**Вьен Л.**

Мишка в подарок для бывшего / Л. Вьен — «Автор», 2026

Настя вдруг сжимает мою руку с неожиданной силой. Ее глаза широко раскрыты, в них отчаяние.— Алекс, послушай — она задыхается, слова даются с трудом. — Это не только мой сын. Он и твой сын... Прости, что скрывала. Мир на секунду замирает. Меня шатает, и я ошеломленно хватаюсь за каталку. А после смотрю на пацана, и вижу в нем себя. Черт... Да какого хрена?— Послушай — Настя хватается воздух ртом. — Я боюсь если со мной что-то случится во время операции я не хочу, чтобы он попал в детдом. Обещай, что позаботишься о нем.\_\_\_\_\_ Он — мой лечащий врач. И мой бывший. Но он не знает, что мой сын — от него.

© Вьен Л., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 7  |
| Глава 3                           | 9  |
| Глава 4                           | 11 |
| Глава 5                           | 13 |
| Глава 6                           | 15 |
| Глава 7                           | 17 |
| Глава 8                           | 19 |
| Глава 9                           | 21 |
| Г                                 | 24 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 25 |

# Лив Вьен

## Мишка в подарок для бывшего

### Глава 1

Часы на стене отсчитывают секунды с монотонной безжалостностью. Стрелки показывают три ночи – мой третий час на дежурстве в отделении скорой помощи. Я, Алекс Воронов, хирург с десятилетним стажем, сейчас больше похож на зомби: глаза слипаются, спина ноет от бесконечных обходов, а в голове одна мысль – когда эта проклятая смена закончится?

– Доктор Воронов, срочно! – влетает в ординаторскую медсестра Лена. – ДТП, тяжелая пациентка, множественные травмы, скорая будет с минуты на минуту.

Я резко выпрямляюсь, а сон как рукой сняло. Маска профессионализма надета, мозг перешел в рабочий режим.

Через пять минут каталку вкатывают в реанимацию. Бригада скорой уже на месте, медики докладывают мне:

– Женщина, примерно тридцать лет, удар в боковую часть автомобиля, подозрение на внутреннее кровотечение, перелом ребер, черепно-мозговая травма.

Я наклоняюсь над пациенткой, начинаю осмотр. Руки автоматически проверяют рефлексы, зрачки, пульс. И вдруг... я вижу что-то знакомое в чертах лица. Приближаюсь ближе, всматриваюсь сквозь гематомы и ссадины.

Нет. Не может быть...

– Настя? – шепчу, не веря своим глазам.

Она приоткрывает глаза, взгляд мутный, затуманенный болью. Но когда узнает меня, в ее глазах вспыхивает что-то – страх? Надежда?

– Алекс... – ее голос едва слышен. – Это правда ты?..

Рядом с каталкой, вцепившись в руку матери, стоит мальчик лет пяти. Глаза красные от слез, но он не отпускает Настю, держится за нее, как за последнюю опору в этом хаосе.

– Почему ребенка не забрали в полицию? – бросаю я медсестре, стараясь скрыть раздражение. – Передайте его соцработникам, я что ли за вас должен все делать?

Та усмехается:

– Да пробовали, доктор. Он вцепился, как клещ. Попробуй, отцепи. И ревет белугой, если пытаются забрать его от матери.

Я бросаю взгляд на пацана. Неугомонный, весь в движении даже сейчас – шмыгает носом, трет глаза кулачками, но не отпускает руку Насти. Внутри поднимается волна досады: «Ну конечно, еще один головной боли мне не хватало».

– Разберитесь, – бросаю через плечо. – Готовьте ее к операции. Срочно.

Настя вдруг сжимает мою руку с неожиданной силой. Ее глаза широко раскрыты, в них отчаяние.

– Алекс, послушай... – она задыхается, слова даются с трудом. – Это не только мой сын. Он и твой сын... Прости, что скрывала.

Мир на секунду замирает. Меня шатает, и я ошеломленно хватаюсь за каталку. А после смотрю на пацана, и вижу в нем себя. Черт... Да какого хрена?

– Послушай... – Настя хватается за воздух ртом. – Я боюсь... если со мной что-то случится во время операции... я не хочу, чтобы он попал в детдом. Обещай, что позаботишься о нем.

– Ты серьезно? – злость вырывается наружу, голос становится жестче. – Значит, все это время ты скрывала его от меня пять лет, а теперь, когда прижало, говоришь это мне? Да и откуда мне знать, что ты не врешь?

– Посмотри... за ухом... – шепчет она слабо. – У него такая же родинка, как у тебя.

Я машинально наклоняюсь к мальчику. Тот смотрит на меня с недоверием, шмыгает носом. Осторожно отвожу волосы за ухо – и вижу. Маленькое коричневое сердечко, точно такое же, как у меня, на том же месте.

Шок накрывает с головой, но за ним тут же следует волна злости. Даже если это правда, что не факт, получается, что она скрыла от меня моего же сына. Пять лет он рос без меня – и теперь она хочет переложить ответственность?

– Обещай... – Настя шепчет в последний раз, и ее глаза закрываются. Она теряет сознание.

Секунду я стою, застыв. В голове хаос: злость, недоверие, растерянность. Какого черта она все это время молчала? Почему сейчас? Почему именно тогда, когда я меньше всего готов к этому?

– Лена, – резко поворачиваюсь к медсестре, голос звучит холодно и отстраненно. – Пригляди за мальчиком. Никуда не сообщай о нем, пока я оперирую. И чтобы ни одна душа не знала, кто он такой. Поняла?

Она кивает, удивленно вскидывая брови. Я бросаю последний взгляд на Настю – бледную, неподвижную, – и на пацана, который теперь смотрит на меня с робкой надеждой.

– Держись, Настя, – шепчу едва слышно, но в голосе нет тепла, только профессиональная отстраненность. – А ты, пацан... – я бросаю короткий взгляд на мальчика, – с тобой поговорим позже. Проклятье!

Я морщусь от досады и разворачиваюсь вслед за каталкой. Впереди – долгая операция. А после нее серьезный разговор, который сейчас вызывает у меня лишь раздражение и злость.

## Глава 2

Операция длится почти четыре часа – четыре долгих, напряженных часа, в течение которых я полностью отключаюсь от всего, кроме скальпеля, швов и жизненно важных показателей на мониторах. Каждый разрез, каждый стежок – отточенные движения, выверенные годами практики. Мозг работает на автопилоте, но где-то в глубине сознания пульсирует мысль: у меня есть сын.

Когда последний шов наложен, я выпрямляюсь, разминаю затекшую спину и бросаю взгляд на мониторы. Показатели стабильны. Мы успели вовремя.

– Увозите в реанимацию, – отдаю распоряжение, снимая перчатки. – Следите за давлением и сатурацией. Любые изменения – сразу ко мне.

Медсестры начинают готовить пациентку к транспортировке. Я снимаю халат, провожу рукой по лицу – усталость наваливается с новой силой, будто только и ждала момента, когда я ослаблю концентрацию.

В ординаторской тихо и пусто. Я подхожу к кофемашине, нажимаю кнопку и жду, пока наполнится чашка. Запах кофе немного бодрит, но мысли все равно возвращаются к Насе и ее... нашему сыну. Мишка. Кажется, его зовут Мишка.

Дверь скрипит, и я оборачиваюсь. На пороге стоит медсестра из приемного покоя, рядом с ней – тот самый мальчишка. В руках у него плюшевый медведь, выдавший лучшие времена: один глаз на ниточке, ухо порвано.

– Доктор Воронов, – начинает медсестра, – я его тут пристроила, пока вы оперировали. Он все спрашивал про маму...

Мишка поднимает на меня глаза – большие, карие, как у Наси, но с каким-то упрямым блеском, который я узнаю. Неужто он и правда мой сын?

– Где мама? – голос у него тонкий, дрожащий. – Она умерла?

Я замираю, не зная, что ответить. В операционной я уверен в каждом слове, в каждом действии, но сейчас... Как, черт возьми, говорить с пятилетним ребенком?

– Нет, – выдавливаю я, стараясь, чтобы голос звучал мягче. – С твоей мамой все будет хорошо. Она просто отдыхает после операции.

– А когда я ее увижу?

– Скоро, – отвечаю я и тут же понимаю, что соврал.

Когда он ее увидит? Через сутки? Через трое? А если состояние ухудшится? И почему я должен разбираться с этим вместо того, чтобы отдыхать после операции?

Медсестра тактично отступает к двери:

– Я пойду, доктор. Если что – зовите.

Дверь закрывается, и мы остаемся вдвоем. Мишка переминается с ноги на ногу, прижимает к себе потрепанного медведя. Я чувствую, как раздражение снова поднимается внутри.

Ну вот что мне с ним делать? Я хирург, а не воспитатель. У меня вообще-то работа, пациенты, жизнь...

– Послушай, – начинаю я, стараясь говорить спокойно, но в голосе все равно проскальзывает усталость. – Сейчас ты пойдешь со мной, ладно? Я найду, куда тебя устроить на время.

– Я не хочу никуда идти! – он вдруг вскидывает голову, и в глазах вспыхивает тот же упрямый огонек, что и у меня, когда я не собираюсь сдаваться. – Я буду здесь, пока мама не проснется!

Ну, отлично. Упертый, прямо как я. Похоже, это будет весело.

Я вздыхаю, провожу рукой по волосам.

– Здесь нельзя, – пытаюсь объяснить. – Это рабочее помещение, тут врачи отдыхают между операциями. Тебе нужно куда-то, где есть игрушки, мультики...

– У меня есть медведь, – он показывает плюшевую игрушку, как будто это аргумент. – И я не маленький, чтобы смотреть мультики!

Я подавляю желание застонать вслух. Пять лет, а уже торгуется. Это Настя его такому научила?

– Ладно, – решаю я. – Тогда посиди тут пять минут, пока я договорюсь, куда тебя определить. Никуда не уходи, понял?

Он кивает, но я вижу, что в его глазах уже мелькает какой-то план. Только не это... Не хватало только искать его потом по всем этажам.

Выхожу в коридор, достаю телефон. Первым порывом было позвонить сестре – она живет одна, у нее просторная квартира... Но я тут же себя останавливаю.

Нет. Это не ее проблема. Я сам разберусь.

Оглядываюсь на дверь ординаторской. За ней сидит пятилетний мальчик, который считает меня своим отцом. Моим сыном. Который пять лет рос без меня. Которого я даже не знал.

Раздражение никуда не делось, но к нему примешивается что-то еще – странное, неприятное чувство. Ответственность? Тревога? Я не могу точно определить, но оно тяжелым грузом ложится на плечи.

Возвращаюсь внутрь. Мишка сидит на стуле, болтает ногами и что-то шепчет своему медведю. При моем появлении он поднимает глаза.

– Ну что? – спрашивает он деловито. – Куда мы идем?

Я смотрю на него, на это маленькое упрямое существо с порванным плюшевым медведем, и вдруг понимаю: отступить некуда.

Ладно, Воронов, соберись. Ты оперировал людей с разрывами аорты, а тут всего лишь пятилетний пацан. Ты справишься. Наверное...

– Идем, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Сначала найдем тебе место, где поспать, а потом... потом разберемся.

Он встает, берет меня за руку – маленькая ладошка в моей большой ладони кажется такой хрупкой. И в этот момент я отчетливо осознаю: все изменилось. И обратного пути нет. Проклятье... А я ведь не собирался больше заводить серьезных отношений, и уж тем более не рассчитывал, что у меня будет сын.

Мы выходим в коридор. Впереди – длинный больничный коридор и еще более длинный разговор с самим собой о том, что значит быть отцом. А пока... пока нужно просто идти вперед. И держать эту маленькую руку, которая теперь почему-то зависит от меня.

## Глава 3

Выхожу из больницы с Мишкой за руку – он идет, шмыгая носом, крепко сжимает своего потрепанного медведя. В голове крутится одна мысль: «Куда, черт возьми, его везти? В квартиру, где последние пять лет не было ни одной детской игрушки? Где все расставлено по строгим линиям и правилам?»

– Мы куда идем? – тихо спрашивает Мишка, поднимая на меня глаза.

– Ко мне домой, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Пока твоя мама не поправится. Она поручила тебя мне, так что ничего не бойся.

Он кивает, но видно, что боится. И я его понимаю. Для него я – чужой дядя, который вдруг стал кем-то важным в его жизни.

В машине он сидит на заднем сиденье, прижимая к себе медведя, и молчит. Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида – маленький, хрупкий, с этими огромными глазами. Мой сын. Пять лет. И я ничего о нем не знаю. А еще... как вообще сказать ему, что я его отец? И хочу ли я этого?

Квартира встречает нас стерильной тишиной. Все на своих местах: книги ровно выстроены на полках, на полу ни пылинки, на кухне – идеальная чистота. И посреди этого порядка – пятилетний мальчик, который явно чувствует себя не в своей тарелке.

– Это твой дом? – спрашивает он, оглядываясь.

– Да, – я снимаю куртку, вешаю ее на вешалку. – Проходи.

Мишка делает пару шагов, останавливается у дивана, смотрит на меня. В его глазах – смесь любопытства и страха.

– А где мама? – снова спрашивает он.

– Она в больнице, – я присаживаюсь на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. – Но с ней все будет хорошо, обещаю. Врачи за ней присматривают.

Он молчит, кусает губу, потом кивает.

– Хочешь есть? – решаю сменить тему. – У меня, правда, нет детской еды... но есть бутерброды и сок.

– Хочу, – шепчет он.

На кухне я нарезаю хлеб, мажу маслом, наливаю сок в стакан. Мишка садится за стол, ставит рядом медведя.

– Его зовут Пух, – говорит он вдруг. – Он со мной всегда.

– Понятно, – я ставлю перед ним тарелку. – Ешь.

Он начинает есть, медленно, аккуратно. Я наблюдаю за ним и ловлю себя на мысли: он даже ест, как я. Держит бутерброд двумя пальцами, откусывает небольшими кусочками.

После еды я вспоминаю про обещание игрушек.

– Пойдем, – веду его в гостиную. – Я тебе кое-что покажу.

Достаю из шкафа коробку с сувенирами – там завалились какие-то безделушки с конференций, пара машинок, плюшевый мяч. Вываливаю все на диван.

– Выбери, что нравится, – говорю я. – Это тебе.

Мишка смотрит на кучу вещей, потом на меня. В глазах – недоумение.

– Спасибо, – тихо говорит он, берет машинку и отходит в сторону.

Я вздыхаю. Ну вот, попытка откупиться провалилась. Что дальше? Разговаривать с ним? О чем? О хирургии?

– Ты... – начинаю я, но Мишка перебивает:

– Я пойду посижу там, ладно? – он показывает на угол комнаты, где стоит кресло.

– Конечно, – киваю я. – Делай что хочешь. Я пока посплю, устал после смены.

Ложусь на диван, закрываю глаза. Усталость наваливается всей тяжестью – четыре часа операции, потом дорога, потом этот разговор... засыпаю почти мгновенно.

Пробуждаюсь от грохота. Резко сажусь, сердце колотится. В комнате темно, только свет с улицы пробивается сквозь шторы.

– Черт! – вырывается у меня. – Что еще случилось?

В углу, возле книжного шкафа, сидит Мишка. Рядом валяется упавшая книга, а он... плачет. Тихо, беззвучно, только плечи вздрагивают.

Подхожу к нему, присаживаюсь рядом.

– Что случилось? – спрашиваю уже мягче.

– Я... я хотел посмотреть картинки, – всхлипывает он. – А она упала...

– Ничего страшного, – я поднимаю книгу, ставлю ее на место. – Это всего лишь книга.

Он продолжает плакать, уткнулся лицом в колени. И вдруг что-то внутри меня щелкает. Он же напуган. Его мама в больнице, он в незнакомом месте, а рядом – чужой мужчина, который даже не знает, как с ним разговаривать.

Осторожно протягиваю руку, кладу ладонь ему на плечо.

– Эй, – говорю тихо. – Все хорошо. Правда. Мама поправится, мы будем ее навещать. А пока... пока мы с тобой как-нибудь справимся, ладно?

Мишка поднимает на меня глаза – красные, заплаканные, но в них уже не только страх, а какая-то робкая надежда.

Не раздумывая, я обнимаю его. Он на секунду замирает, а потом прижимается ко мне, вцепляется в мою рубашку.

– Я боюсь, – шепчет он. – Вдруг с мамой что-то случится?

– Не случится, – я глажу его по спине, чувствуя, как напряжение постепенно покидает маленькое тельце. – Она сильная. И врачи хорошие. Все будет хорошо.

Мы сидим так несколько минут. Потом я поднимаю его на руки, несу к дивану.

– Ложись сюда, – устраиваю его на подушках. – И я тут рядом. Если что, сразу меня буди, хорошо?

Он кивает, прижимает к себе Пуха. Через пару минут его дыхание становится ровным – он уснул.

Я ложусь рядом, накрываю нас пледом. Смотрю в потолок, слушаю тихое дыхание Мишки. Усталость никуда не делась, но теперь она какая-то другая, не изматывающая, а... уютная.

Пять лет я жил для себя. Строил карьеру, забыв про семью, даже с женой из-за этого развелся, окончательно разочаровавшись в людях. А теперь рядом со мной спит мой сын. И, кажется, моя жизнь больше не будет прежней.

## Глава 4

Просыпаюсь от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Открываю один глаз – точно: Мишка сидит на краю дивана, изучает меня с любопытством энтомолога, разглядывающего редкий вид жука. В руках – все тот же потрепанный Пух.

– Доброе утро, – хрипло говорю я, потягиваясь. – Ты давно тут сидишь?

– Минут пять, – серьезно отвечает он. – Я ждал, пока ты проснешься.

«Пять минут? Да он, наверное, тут с рассвета караулит», – проносится в голове.

Встаю, потягиваюсь, бросаю взгляд на часы: семь тридцать. Через час мне на работу. А перед этим надо как-то разобраться с Мишкой.

– Пойдем завтракать, – говорю, направляясь на кухню.

Мишка бежит следом, и тут начинается хаос.

Он открывает шкафчики, заглядывает в каждый, комментирует:

– О, тут ложки! А тут тарелки! А вот это что?

– Кастрюля, – отвечаю я, пытаюсь приготовить кофе.

– А в ней что?

– Ничего, она пустая.

– А почему пустая?

– Потому что... потому что я еще не готовил в ней.

– А когда будешь готовить?

– Позже.

– А что будешь готовить?

«Господи, он что, прошел курс допроса?» – думаю я, чувствуя, как начинает пульсировать висок.

Пытаюсь сосредоточиться на кофе, но Мишка уже рядом, тянет руку к кофемашине:

– А это что? Можно нажать?

– Нет! – оттаскиваю его в сторону. – Это опасно. Кофемашина – не игрушка.

Он делает вид, что расстроился, опускает глаза, шмыгает носом.

– Ну ладно, – вздыхаю. – Давай я тебе покажу, как она работает, но только смотреть, ничего не трогать, договорились?

Мишка кивает, глаза снова горят любопытством.

Через пять минут мы сидим за столом: я с чашкой кофе, он с какао и бутербродом.

– Вкусно? – спрашиваю.

– Угу, – кивает он с набитым ртом. – А можно еще?

– Потом. Сначала доедай это.

Он послушно жует, потом вдруг поднимает глаза:

– А ты мой папа?

Вопрос бьет, как током. Я замираю с чашкой у рта.

– Да, – отвечаю осторожно, сам до конца в этом не уверенный. – Похоже, что так.

– Круто! – он улыбается во весь рот. – Значит, теперь я буду жить с тобой?

– Пока да, – говорю я. – Пока твоя мама не поправится.

– И ты будешь со мной играть?

– Буду, – обещаю я, хотя в голове крутится мысль: «Когда? У меня же смена через час!»

Допиваю кофе, смотрю на часы. Пора собираться. Вот только куда пацана девать?

– Мишка, мне нужно на работу, – говорю твердо. – И я не могу взять тебя с собой. Там больница, пациенты, им нужна помощь.

– А я буду тихо сидеть, – тут же предлагает он. – Честное пионерское!

Я смотрю на него с сомнением и понимаю – если возьму его в больницу, ей придет конец. Твою ж... Кажется, все же придется звать на помощь сестру.

– Нет, – качаю головой. – Так не получится. Но я нашел выход: моя сестра, тетя Катя, придет к нам и побудет с тобой, пока я не вернусь. Она очень добрая, вы подружитесь.

– А она умеет играть в машинки? – деловито уточняет он.

– Конечно, – улыбаюсь я. – Она даже в прятки умеет.

Достаю телефон, набираю номер сестры.

– Кать, привет, – начинаю я.

– Алекс? В такую рань? Что случилось? – сонно отвечает она.

– Мне нужна твоя помощь. Срочно.

– Что, опять с пациентами не справляешься? – шутит она.

– Нет. Хуже. У меня тут... ребенок.

– Что?! – ее голос резко становится бодрым. – Какой ребенок? Ты что, заделался няней?

Я вздыхаю, понимая, что от ответа не отвертеться, и выдаю с обреченностью приговоренного к казни:

– Это мой сын.

– ЧТО?! – на том конце провода пауза, потом взрыв эмоций. – Алекс Воронов, ты что, издеваешься? У тебя есть сын?! И ты мне не говорил?! Сколько ему? Ты почему молчал?! Ну наконец-то! Я уж думала, ты вообще никогда не станешь отцом!

Мишка смотрит на меня, приоткрыв рот. Видимо, громкость Кати слышно даже ему.

– Да, Катя, я сам в шоке, – признаюсь я. – Можешь приехать? Мне на смену через сорок минут.

– Выезжаю! – радостно восклицает она. – Держись, братик, сейчас я научу тебя, как обращаться с маленькими человечками!

Отключаю звонок, смотрю на Мишку. Он улыбается.

– Тетя Катя едет, – сообщаю я. – Она будет с тобой, пока я на работе.

– Ура! – он вскакивает со стула и начинает прыгать. – Будем играть в машинки! И в прятки! И...

– Тише, тише, – останавливаю я его. – Сначала надо умыться и одеться. И не разнеси тут все до приезда тети Кати, ладно?

– Ладно, – кивает он, но в глазах мелькает озорной огонек.

«Ну все, – думаю я. – Начинается новая жизнь. И кажется, она будет куда более шумной, чем я ожидал».

Собираюсь быстро, бросаю последние наставления Мишке:

– Веди себя хорошо. Ничего не трогай, особенно кофемашину. И не залезай на шкафы, понял?

– Понял, – кивает он ангельским голосом.

Выхожу в коридор, надеваю куртку. Оборачиваюсь: Мишка стоит в дверях кухни, прижимает к груди Пуха и улыбается так невинно, что у меня мурашки по спине бегут.

«Он что-то задумал, – понимаю я. – Точно что-то задумал. Но сейчас с этим ничего не поделать».

– Будь умницей, – говорю ему без особой надежды.

– Буду! – обещает он.

А у меня в ожидании сестры в голове крутится только одна мысль: «Что же будет, когда я вернусь?»

## Глава 5

Я стою у поста медсестер, листаю истории болезни и пытаюсь сосредоточиться. Но мысли все время возвращаются к Мишке. Всего один вечер и утро – а я чувствую себя выжатым, как лимон после соковыжималки.

«Он же ходячая катастрофа, – думаю, потирая виски. – Как с ним справляться каждый день? И как вообще люди воспитывают детей?»

Глубоко вздыхаю, откладываю бумаги. Пора проверить состояние Насти. Может, она поскорей выздоровеет и заберет Мишку – тогда моя жизнь вернется в привычное русло.

Иду по коридору, сердце почему-то бьется чуть чаще обычного. Перед дверью палаты замираю на секунду, потом толкаю дверь и вхожу.

Настя лежит на кровати, бледная, с темными кругами под глазами, подключенная к мониторам. Но дышит ровно, стабильно. Я подхожу ближе, проверяю показатели – все в норме.

И вдруг ловлю себя на том, что не могу оторвать от нее взгляда. Смотрю на ее тонкие пальцы, на прядь волос, упавшую на лоб, на едва заметную родинку у виска... и память услужливо подкидывает картинки из прошлого.

Мы в маленькой кофейне у набережной. Настя смеется, прикрывая рот рукой, а я не могу насмотреться на нее. Тогда нам было так хорошо вместе. Я был женат, несчастлив в браке, а роман с Настей стал настоящей отдушиной – глотком свежего воздуха, которого так не хватало.

Помню, как мы гуляли по парку, как она показывала мне созвездия на небе, как я держал ее за руку и впервые за долгое время чувствовал себя живым.

А потом она узнала, что я женат.

В памяти всплывает ее лицо – бледное, с дрожащими губами:

– Ты обманул меня, Алекс, – сказала она тогда. – Я не могу так. Не хочу.

– Настя, послушай... – попытался оправдаться я, но она перебила:

– Нет. Все кончено.

Тогда я был уязвлен и зол. Как она могла так просто разорвать все, не дав мне объясниться? Как она могла не понять, что мой брак уже давно был мертв?

Сейчас, глядя на бледную, едва выкарабкавшуюся с того света женщину, я вдруг понимаю: меня зацепил тот разрыв не из-за уязвленного самолюбия. А потому, что она мне была безразлична. И, кажется, эти чувства до сих пор живы.

Внутри поднимается волна противоречивых эмоций – нежность, сожаление, злость на себя за эту слабость. Я резко отворачиваюсь от кровати.

– Выздоровливай, – бросаю хрипло, не глядя на Настю.

А после разворачиваюсь и иду к двери.

«Хватит, – твердо говорю себе. – Как только Настю выпишут, я вычеркну ее из своей жизни. Помогать буду – материально, конечно. Но ничего больше».

На пороге останавливаюсь, оборачиваюсь. Настя все так же лежит с закрытыми глазами, дышит ровно. На секунду мне хочется подойти, поправить ей волосы, сказать что-то... но я сжимаю кулаки и выхожу из палаты, громко хлопнув дверью.

В коридоре глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь в руках.

«Сначала надо убедиться, что Мишка и правда мой сын, – решаю я. – Сделаю тест ДНК. Только после этого буду думать, как действовать дальше. Никаких эмоций, только факты».

Иду обратно к ординаторской, стараясь выглядеть уверенно. Но где-то глубоко внутри понимаю: с чувствами так просто не разобраться. Они, как Мишка, – не сидят на месте, не слушают приказов и норовят перевернуть всю жизнь вверх дном.

Сажусь за стол, беру первую историю болезни. Читаю строчки, но они расплываются перед глазами. В голове снова всплывает образ Насти – не сейчас, бледной и слабой, а тогда, в кофейне, смеющейся и счастливой.

«Проклятье, – мысленно ругаюсь я. – Сосредоточься, Воронов. У тебя работа, пациенты. Хватит жить прошлым».

Но сердце предательски сжимается, все еще помня о том, что было. И не собирается так просто забывать.

## Глава 6

Я сижу в ординаторской, заполняю бесконечные бумаги – таблицы, графики, описания операций. Рутинная, но без нее никуда. А в голове все крутятся мысли о Насте, о Мишке, о том тесте ДНК, который я решил сделать...

Телефон вибрирует. Номер сестры. Нажимаю «принять», слышу в трубке ее взволнованный голос:

– Алекс, у нас проблема...

– Что случилось? – сердце тут же делает кульбит.

– Мишка... он сбежал.

– Что значит «сбежал»? – я вскакиваю со стула. – Как?! Где?!

– Мы гуляли около больницы, я на секунду отвернулась – а его уже нет! Я обыскала все вокруг, звала его, но...

В груди холодеет. Представляю, как пятилетний пацан один бродит где-то по городу, и внутри все сжимается.

– Где вы гуляли? – спрашиваю, хватая куртку.

– Возле твоей больницы, тут парк такой красивый. Я думала, ты будешь не против...

– Катя, не важно, где ты гуляла! Где он сейчас?!

– Не знаю! – в ее голосе слышится паника. – Я ищу, но его нигде нет!

На меня накатывает паника, но я привычно беру эмоции под контроль.

– Оставайся там, – бросаю сестре. – Я сейчас спущусь, обойду территорию. И позвони в полицию, если через десять минут не найдем.

Отключаю звонок, вылетаю из ординаторской. Мозг лихорадочно просчитывает варианты: куда мог пойти Мишка? И тут меня осеняет.

«Он же хотел увидеть маму. Конечно! Он знает, что она в больнице, и решил ее найти».

Бегу по коридорам, спускаюсь по лестнице, проношусь мимо удивленных коллег. В голове только одна мысль: «Только бы успеть, только бы он не натворил бед!»

Подбегаю к реанимации. И точно – вот он, мой неугомонный сын, стоит у входа и спорит со строгой медсестрой Ольгой Петровной. Та скрестила руки на груди и непреклонно качает головой:

– Нельзя, мальчик. Сюда нельзя.

– Но мне надо! – настаивает Мишка. – Мама там! Я должен ее увидеть!

– Нельзя, я сказала.

Я подхожу ближе, пытаюсь отдышаться. Мишка замечает меня, его глаза загораются радостью:

– Папа! – он бросается ко мне. – Я хотел к маме!

Хочу отругать его – строго, по-взрослому, чтобы запомнил раз и навсегда, что убегать нельзя. Но смотрю на его лицо: упрямо сжатые губы, решительный взгляд, дрожащие губы... и понимаю: бесполезно. Он все равно найдет способ пробраться к матери.

Вздыхаю, поворачиваюсь к Ольге Петровне:

– Можно нам на пару минут? Только посмотреть, ничего больше. Он не успокоится, пока не убедится, что с ней все в порядке.

Медсестра смотрит на меня с сомнением, потом на Мишку, который смотрит на нее своими огромными глазами – и смягчается:

– Ладно. Но только на пять минут.

– Спасибо, – киваю я.

Мы заходим в палату. Настя все еще в полусне, но выглядит лучше, чем вчера. Мишка на цыпочках подходит к кровати, осторожно берет мать за руку.

– Мама? – шепчет он. – Ты слышишь меня?

Настя медленно открывает глаза, фокусирует взгляд на сыне, потом видит меня. На ее лице появляется слабая улыбка.

– Мишка? – хрипло произносит она. – И ты, Алекс...

– Мы пришли проверить, как ты, – говорю я, стараясь говорить ровно. – Этот маленький разбойник сбежал от моей сестры, чтобы тебя увидеть.

Настя переводит взгляд на сына, гладит его по голове:

– Мой хороший... – шепчет она. – Ты такой смелый.

Мишка расцветает от похвалы:

– Я хотел убедиться, что ты поправишься!

– Поправлюсь, – обещает Настя. – Обязательно поправлюсь. А ты... ты теперь с папой?

– Да! – гордо кивает Мишка. – Он говорит, что будет обо мне заботиться. И тетя Катя играла со мной в машинки!

Настя смотрит на меня, в ее глазах читается что-то, чего я не могу разобрать. Благодарность? Вина? Надежда?

– Спасибо, – тихо говорит она.

– Пока не за что, – отвечаю я. – Давай выздоравливай. Нам нужно многое обсудить.

Ольга Петровна деликатно напоминает о времени. Мы прощаемся с Настей, обещаем прийти завтра. Мишка целует мать в щеку, шепчет:

– Выздоровливай скорее!

Когда выходим из палаты, я беру сына за руку:

– Больше так не делай, ладно? Ты очень напугал тетю Катю и меня.

– Прости, – он опускает глаза. – Я просто очень волновался за маму.

Присаживаюсь перед ним на корточки:

– Я понимаю. Но в следующий раз скажи мне, хорошо? Мы вместе придумаем, как ее навестить. Договорились?

– Договорились, – кивает он.

Иду с ним по коридору, чувствую, как внутри что-то теплеет. Этот неугомонный, упрямый, любопытный мальчишка – мой сын. И, кажется, я начинаю привыкать к этой мысли.

## Глава 7

Солнце уже село, за окном тишина, прерываемая лишь редким гудком проезжающих машин. Я скидываю ботинки, бросаю халат на диван, включаю тихую музыку, чтобы голова наконец перестала гудеть от смены. Двенадцать часов в операционке, три экстренных вмешательства, бесконечные споры с родственниками, которые не понимают, что даже врач не все-силен. Я заслужил этот вечер. Заслужил тишину и право не думать ни о ком, кроме себя.

Но только расслабился и звонок. Смотрю на экран – сестра. Опять. Вздыхаю, но беру трубку.

– Кать, я только пришел, – говорю, стараясь не выплескивать раздражение в голос. – Ты же обещала присмотреть за Мишкой. Я же сказал – у меня выходной завтра, хочу поспать, отдохнуть...

– Алекс, – ее голос дрожит, будто она на грани слез. – Я не знаю, что с ним делать. Он сидел, играл, потом вдруг начал кричать, что хочет к папе. Я уговаривала, показывала мультики, предлагала поесть – ничего не помогает. Он плачет, топает ногами... Я боюсь, что он разбудит соседей. Я не могу его успокоить!

Я зажмуриваюсь, тру переносицу. В голове стучит: «Ты его отец. Ты сам его взял – тебя никто не заставлял».

– Ладно, – выдавливаю неохотно. – Сейчас приеду.

– Спасибо, братик... Прости...

– Да все нормально, – обрываю ее и встаю. – Просто... держи его, пока я не приеду.

Через двадцать минут я в ее подъезде. Катя открывает дверь, и тут же из-за ее ног вырывается маленькая ракета – Мишка. Он влетает в меня с такой силой, что я едва удерживаюсь на ногах.

– Папа – кричит он, обнимая меня, будто я вернулся с войны. – Я знал, что ты приедешь!

Я смотрю на него – щеки розовые, глаза блестят, волосы растрепаны. И внутри что-то царапает, будто кто-то провел пальцем по нерву.

– Привет, разбойник, – бурчу, но руки сами тянутся, чтобы погладить его по голове. – Опять сбежал?

– Я не сбегал. Я просто... очень хотел к тебе, – говорит он, прижимаясь ко мне.

Катя смотрит на меня с жалостью и улыбкой одновременно.

– Забирай. Он весь вечер твердил: «Папа, папа, папа». Я думала, что он начнет стены ломать.

Я киваю, достаю из шкафа его куртку, помогаю надеть. Мишка не отпускает мою руку ни на секунду.

– Пошли, – говорю. – Домой.

На улице прохладно, но в машине тепло. Мишка устраивается на заднем сиденье, прижимает к груди своего Пуха и через пять минут засыпает. Голова падает на бок, рот приоткрыт, дыхание ровное. Я смотрю на него в зеркало заднего вида. И впервые за долгое время чувствую... не усталость. Не раздражение. А что-то другое.

Теплое. Тяжелое. Незнакомое. Нежность. И это меня бесит.

Почему? Почему я должен чувствовать это? Я же не просил его появиться. Я не был готов. Я не хотел быть отцом. А теперь он здесь – дышит, сопит, сжимает в кулаке край куртки, будто боится, что я исчезну.

Довожу до дома, вытаскиваю его из машины. Он легкий, худенький, но я чувствую каждый его костлявый позвонок, когда поднимаю на руки. Несу по лестнице, стараясь не шуметь. Он прижимается щекой к моему плечу, и на секунду мне кажется, что он улыбается во сне.

Кладу его на диван, накрываю пледом. Стою, смотрю. И понимаю: я уже не могу просто вычеркнуть его из своей жизни. Он больше не просто ребенок. Он – мой сын.

\*\*\*

Утро. Я лежу в кровати, смотрю в потолок. Сегодня выходной. Я мечтал провести его в тишине. Поспать, почитать, может, посмотреть старый фильм. Ничего не делать, просто отдохнуть.

Но Мишка, как всегда, имеет другое мнение.

– Папа, – шепчет он, заглядывая в комнату. – Ты спишь?

– Теперь нет, – ворчу я, не открывая глаз.

– Папа, а можно мы пойдем в зоопарк?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я хочу поспать.

– Но мама обещала – говорит он, и в голосе звенит обида. – Она сказала, что сводит меня, но потом заболела. А ты теперь мой папа, значит, должен заменить ее!

Я открываю один глаз.

– Я не собираюсь никого заменять. Я устал.

– Папа, – он уже сидит на краю кровати, смотрит на меня снизу вверх, и в этих глазах столько надежды, что мне становится не по себе. – Ну пожалуйста. Там такие смешные обезьяны. Они прыгают и кричат: «У-у-у» – и машут руками вот так!

Он вскакивает, изображает обезьяну – прыгает, кривляется, визжит. И вдруг останавливается, смотрит на меня с вызовом.

– Ну? Ты смеешься?

Я сдерживаюсь. Сжимаю губы. Но уголки рта сами тянутся вверх.

– Не смешно, – вру я.

– Смешно – торжествует он. – Я видел! Ты чуть не засмеялся!

– Ничего подобного, – бурчу. – Мне вообще не до смеха.

– Папа, ну пожалуйста!

– Нет.

– А если я покажу, как слон пьет воду из хобота?

– Мишка, – серьезно говорю я. – Хватит. Я не пойду в зоопарк.

Он молчит. Смотрит. Потом опускает голову, и я вижу, как его плечи поникают. И в этот момент я понимаю: он не просто капризничает. Он действительно хочет туда. А может просто нуждается во внимании. Во мне. В отце. В обещании, которое я еще не давал, но уже должен сдержать.

Я сажусь, провожу рукой по лицу.

– Ладно, – выдыхаю. – Пойдем.

– Правда?! – он вскакивает, как пружина.

– Правда. Но сначала – завтрак. И одеваться. И не бегать по квартире, как дикарь.

– Ура – он хватается меня в охапку, чуть не сбивает с кровати. – Папа, ты самый лучший!

Я не отвечаю. Только обнимаю его в ответ всего на мгновение. Но сердце все равно предательски сжимается.

## Глава 8

**Настя**

Я просыпаюсь под тихий писк монитора – ритмичный, успокаивающий, как сердцебиение. Свет в палате мягкий, сероватый, будто утро не решилось быть ярким. Голова тяжелая, мысли – ватные, но ясные. Я лежу, смотрю в потолок и вдруг понимаю: Мишки нет рядом.

Где он?

Сердце сжимается. Я резко приподнимаюсь, оглядываюсь – пусто. Только стены, капельница, стул у кровати. Никого.

– Мишка? – шепчу, голос хриплый, будто не мой. – Сынок!

В палату входит Ольга Петровна – строгая, как всегда, с папкой в руках. Видит мое напряженное лицо и сразу понимает.

– Не волнуйтесь, Настя, – говорит она мягче, чем обычно. – Мишка в порядке. Он с отцом. С Александром Ивановичем.

Я замираю. Александр. Это имя будто возвращает меня в прошлое – в тот вечер у реки, в смех под звездами, в тепло его рук, в боль предательства.

– Он... забрал его? – спрашиваю, чувствуя, как в груди все переворачивается.

– Да. Вчера пришел, забрал. Мальчик очень хотел вас увидеть. Алекс попросил пустить их на пару минут, но вы же видели его, правда?

Я киваю, вспоминаю мельком, сквозь сон лицо мужчины, его голос. «Мы пришли проверить, как ты». Сухо, холодно, как будто между нами не было ничего.

– Значит мой сын с отцом? – спрашиваю, сжимая край простыни. – Он... он хорошо с ним обращается? Мишка не плачет? Он не боится?

Ольга Петровна ставит папку, подходит ближе, поправляет подушку.

– Мальчик сиял, как солнце, – говорит она. – Бросился к отцу, как будто тот герой из сказки. А Александр... – она делает паузу, будто выбирает слова. – Он позаботится о нем, не переживайте. Я видела, как он на него смотрит.

Я закрываю глаза. Перед внутренним взором – Мишка, мой малыш, в чужой квартире, с отцом, которого почти не знает. И Алекс... Он мой врач, мой бывший любовник, кто угодно, но не отец, который нужен моему сыну.

Потому что я помню, как любила его. Помню, как он смотрел на меня в нашу первую встречу в кофейне – с интересом, с улыбкой, с искрой, которая заглянула во мне чувства. Помню, как он держал мою руку, как шептал: «Ты – как воздух, которого мне не хватало». И как разбилась этот мир вдребезги, когда я узнала, что он женат. Что у него другая жизнь. Что я – ошибка. Тайна, которую он не хотел раскрывать.

Горькие слезы сами катятся по щекам. От боли в сердце и воспоминаний.

– Вам плохо? – спрашивает Ольга Петровна, наклоняясь. – Больно? Позову доктора.

Я качаю головой, вытираю щеки ладонью.

– Нет... все хорошо. Просто... перенервничала. Слишком много всего случилось.

Она смотрит на меня с пониманием, но в глазах мелькает тень раздражения. Поворачивается к двери, уже уходя, бурчит себе под нос:

– Ох уж эти мужики... То обещают небо, то исчезают. А женщины потом плачут и сердце рвут.

Я замираю. Она знает? Или просто догадывается.

Я смотрю в окно, где за стеклом медленно проплывают облака. И думаю: А вдруг он останется? А вдруг на этот раз все будет иначе?

Но тут же эта мысль исчезает. Нет. Не будет. Он не тот человек, что нужен мне. Не после того, как врал мне.

Ольга Петровна уходит, оставляя за собой тишину. Я лежу, слушаю ровное дыхание аппарата, чувствую, как внутри все дрожит.

Где ты, Мишка? Ты тепло одет? Ты ел? Ты скучаешь по мне? И самое страшное – ты уже любишь его? Отца, которого я тебя лишила?

Я сжимаю кулаки. Хочу встать и сбежать отсюда. Хочу забрать его и увезти далеко, туда, где Алекс никогда не найдет нас.

Но я слаба. И знаю: если я попробую, он остановит меня. По закону, по праву крови.

А может... и по любви? Я не знаю. Но впервые за долгое время я не уверена в своем решении. И это пугает больше всего.

## Глава 9

Солнце льется сквозь листву, дробится на кусочки, пляшет на асфальте. Воздух густой от запаха травы, жареного арахиса и детского смеха. Зоопарк кипит – дети бегают, кричат, тычут пальцами в клетки. А я чувствую себя так, будто иду по минному полю. С одной стороны – мой сын. С другой – катастрофа.

Мишка – это не ребенок. Это природное явление. Ураган в шортах. Он успел сбить с ног пенсионерку с тросточкой (извинился, правда, с таким искренним ужасом, что она сама его обняла), залезть в запрещенную зону у вольера с лисами (меня чуть не выгнали) и потребовать все – сразу.

– Папа, можно вату?

– Нет.

– А сок?

– Можно сок.

– А мороженое?

– Мишка, ты же ел перед выходом.

– Ну пожалуйста. Я буду хорошим.

– Хорошие мальчики не кушают мороженое в три часа дня.

– А плохие?

– Плохие – тем более.

Он надувает щеки, но через секунду прыгает у кассы:

– Я хочу розовое! С блестками!

И вот он сидит на скамейке, держит в руках розовый рожок, который, конечно же, течет. И я понимаю, чем это кончится, но надеюсь на лучшее.

– Держи ниже, – говорю. – И не размахивай.

– Я держу, – гордо заявляет он, но тут же розовая капля падает на футболку, стекает по животу.

– Мишка!

– Ой... – он смотрит на себя, как на чужого. – Я нечаянно.

– Бегом в туалет.

– А мороженое?

– Оставь. Сейчас важнее оттереть футболку.

Туалет – это ад. Вонь, поломанный замок, один унитаз и кран без мыла. Я лихорадочно ищу в карманах салфетки, трясу их, протираю ему живот, шею, руки. Он стоит, сопит, смотрит на меня снизу вверх.

– Папа, а ты меня не бросишь?

– Что? – Я останавливаюсь, салфетка зажата в кулаке.

– Ну, если я буду плохо себя вести... Ты меня бросишь, как папа в мультике?

– Я твой папа, – говорю я резко. – И я тебя не брошу. Даже если разнесешь весь зоопарк.

Он кивает, будто записывает это в память. Потом вдруг говорит:

– Я хочу писать.

– Ну и иди.

– А ты постой со мной?

– Что? Зачем?

– Я боюсь. Там темно. И звук странный.

Я смотрю на него. На эти глаза, доверчивые, как у щенка. И вдруг понимаю: он не врет. Он боится. Просто боится быть один.

– Ладно, – выдыхаю. – Стою. Но быстро.

Я жду у двери, слушаю, как он шуршит, кашляет, бормочет что-то про «страшную трубу». Потом выходит, улыбается.

– Я молодец?

– Молодец, – киваю. – А теперь идем домой. Хватит с нас приключений.

\*\*\*

Дома он снимает сандалии, кепку, бросает как попало, бежит к дивану. Я иду следом, собираю вещи, включаю свет.

– Мишка, иди умываться.

– Сейчас...

– Не «сейчас», а сию же секунду!

Он ворчит, но идет. Я слышу, как он плещется в ванной, а потом наступает пугающая тишина. Вздохнув, я заглядываю к нему и вижу, как он сидит на полу, обхватив колени, и весь дрожит.

В груди неприятно екает, и я сажусь на корточки перед ним, осматривая мальчика с ног до головы.

– Что случилось?

– Мне холодно, – шепчет Мишка.

Я кладу руку на лоб. Горячий. Вот же черт...

– Похоже, ты простудился, – бросаю с недовольством, но внутри паника. – Из-за этого чертового мороженого!

– Я не виноват... – начинает он, и в голосе слышна дрожь.

– Да я не ругаю, – срываюсь я. – Просто... Черт, я не знаю, что делать!

Он смотрит на меня, и в его глазах блестят слезы. Я тут же сжимаю челюсти. Ты же взрослый. Ты же врач. Веди себя как отец, а не как психованный подросток.

– Прости, – говорю тише. – Я не на тебя. Я... просто за тебя боюсь.

Он не отвечает. Только тянется ко мне. Я поднимаю его, несу в комнату, укрываю пледом. Бегу в аптечку, достаю градусник. Температура – тридцать восемь и два.

– Надо пить, – говорю. – Много пить. Принять лекарства и полежать.

– Папа... – шепчет он, когда я подаю воду. – Ты останешься?

– Конечно. Никуда не уйду.

Я сажусь рядом, глажу по голове. Он закрывает глаза, чихает. Потом кашляет – сухо, надсадно.

– Больно?

– Немного, – хрипло отзывается Мишка.

Я достаю детский сироп, меряю дозу. Он морщится, но пьет. Потом прижимается ко мне, утыкается носом в бок.

– Ты пахнешь больницей, – бормочет.

– Это антисептик. Я весь прошлый день был там.

– А я хочу, чтобы ты пах как папа.

– А как пахнет папа?

– Теплом. И домом.

Я замираю. В груди что-то сжимается.

– Я постараюсь, – обещаю ему, не знаю, смогу ли выполнить это обещание.

Он засыпает. Я сижу, смотрю на него. На это худенькое тело, на вздрагивающие ресницы, на сжатые кулачки. И вдруг понимаю: я его уже люблю. Он для меня теперь не просто обязанность или долг. А мой сын. И я хочу уберечь его от всего на свете.

Я беру телефон. Открываю контакты. Нахожу имя – Настя. Палец замирает над кнопкой вызова.

Что я скажу? Что я справился? Что я провалился? Что я боюсь? Что я, может быть, готов попробовать все снова?

Выругавшись беззвучно, я убираю телефон. Вместо этого достаю ноутбук. Открываю сайт лаборатории. Заполняю форму на тест ДНК. Хочется побыстрее, но надо минимум три дня. Но я подожду.

Потому что теперь я знаю: мне не нужны доказательства, чтобы заботиться о нем. Но мне они нужны, чтобы сказать Насте – я имею право быть рядом. И я действительно хочу этого.

## Г

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.